

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA



Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 1

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Agalarzade A. M.</i> A “Warrior's grave” in the south-eastern region of Azerbaijan: the Arvana kurgan	7
<i>Серегин Н. Н., Матренин С. С., Степанова Н. Ф.</i> Железные поясные пряжки у населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10)	26
<i>Тишин В. В., Нанзатов Б. З.</i> Древнетюркское t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: ложные и действительные параллели	49
<i>Жилина Н. В.</i> Погребальный и прижизненный убор в эпоху раннего Средневековья.....	62
<i>Кичигин Д. Е.</i> Погребение монгольского имперского периода в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия)	83
<i>Кузьмин Я. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Марфина О. В., Помазанов Н. Н., Винникова В. Е., Емельянчик О. А.</i> Первые данные по диете средневекового населения на территории Беларуси (по данным изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей)	104

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Туркменские депутации на коронационных торжествах российских императоров	123
<i>Каменских М. С., Чернышева Ю. С.</i> Казахи в национальной политике Уральской области в 1930-е гг.	139
<i>Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г.</i> Народные методы предсказания погоды в Кыргызстане и их анализ на основе современных данных	155

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Пелевина О. В.</i> Образ жизни и традиции русских в процессе формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья (по материалам публикаций А. В. Кириллова)	178
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса»	202
<i>Назарова Т. П., Иванов В. А.</i> Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР в 1940–1950-е гг.	234
<i>Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волчкова О. О.</i> Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани)	248
ДЛЯ АВТОРОВ	272

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, № 1

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Агаларзаде А. М.</i> «Могила война» в юго-восточной части Азербайджана: курган Арвана.....	7
<i>Seregin N. N., Matrenin S. S. Stepanova N. F.</i> Iron belt buckles among the population of the northern foothills of Altai in the era of the Turkic Khaganates (based on the materials of the necropolis Gorny-10).....	26
<i>Tishin V. V., Nanzatov B. Z.</i> Old Turkic t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: its false and real parallels	49
<i>Zhilina N. V.</i> , Burial and lifetime attire in the early Middle Ages.....	62
<i>Kichigin D. E.</i> Burial of the Mongol Imperial period in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia).....	83
<i>Kuzmin Y. V., Vasilyev S. V., Borutskaya S. B., Marfina V. U., Pomazanov N. N., Vinnikava V. Y., Emelyanchik V. A.</i> First data on diet of the medieval population of Belarus (based on carbon and nitrogen stable isotope analysis in bone collagen).....	104

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Atdaev S. J.</i> Turkmen deputations at the coronation celebrations of the Russian emperors.....	123
<i>Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S.</i> Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930s	139
<i>Dubova N. A., Kadyrbekova N. K., Nikiforov N. G.</i> Folk methods of weather forecasting in Kyrgyzstan and their analysis based on modern data	155

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Pelevina O. V.</i> Lifestyle and traditions of Russians in the process of forming the religious landscape of the Far Eastern borderland (based on publications by A. V. Kirillov)	178
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy.....	202
<i>Nazarova T. P., Ivanov V. A.</i> The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940s–1950s	234
<i>Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O.</i> Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan)	248

FOR AUTHORS	272
--------------------------	-----

УДК 008+ 94 (47).084.9

DOI 10.14258/nreur(2026)1–12

Т. П. Назарова, В. А. Иванов

Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград (Россия)

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД И «АРХИТЕКТУРА СМЕРТИ» В СССР В 1940–1960-Е ГГ.

Целью статьи является выявление новых подходов в советской политике в области похоронного дела и траурной обрядности начиная с 1941 г. вплоть до конца 1960-х гг., что позволило скорректировать общепринятую периодизацию трансформации социалистической обрядности в СССР. Анализ таких источников, как декреты, правила, инструкции, положения и их проекты, касавшиеся кладбищ и похорон, а также выявление в полевых условиях новых типов «архитектуры смерти», появившихся в 1950-е гг., показывает, что под влиянием Великой Отечественной войны сформировались новые подходы не только чисто в утилитарной сфере оказания погребальных услуг, но и в ритуально-обрядовой области. В военные годы в верхах власти обсуждалась необходимость разработки торжественной траурной панихиды для простых граждан как альтернативы христианскому похоронному обряду. Далее, в конце 1940-х гг., уже принимаются типовые проекты монументальных траурных павильонов, своей архитектурой напоминающих христианские храмы и античные пантеоны, в которых обряд должен проводиться с опорой на национальные и религиозные традиции, но в социалистическом варианте. Было доказано, что в начале и середине 1950-х гг. как минимум три таких павильона были уже построены, в том числе в городе Волжском. Но хрущевская «оттепель» вновь меняет идеологические подходы, в том числе в похоронной обрядности, и необходимость в величественных муртуариях-пантеонах отпадает, на смену им приходят скромные траурные площадки, которые строятся по всей стране для проведения гражданской панихиды, но уже с другой смысловой нагрузкой.

Ключевые слова: похоронное дело, социалистическая обрядность, траурная обрядность, «архитектура смерти», муртуарий, СССР

Цитирование статьи:

Назарова Т. П., Иванов В. А. Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР

в 1940–1950-е гг. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 31, № 1. С. 234–247.

DOI 10.14258/nreur(2026)1–12

Назарова Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград (Россия). **Адрес**

для контактов: hist_tatyana@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Иванов Виктор Анатольевич, старший преподаватель Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** ivanov.viktor-93@yandex.ru; <http://orcid.org/0009-0003-7813-5853>

T. P. Nazarova, V. A. Ivanov

Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia)

THE FUNERAL RITE AND THE “ARCHITECTURE OF DEATH” IN THE USSR IN THE LATE 1940^S–1960^S

The purpose of the article is to identify new approaches in Soviet policy in the field of funeral and funeral rites, starting in 1941 and up to the end of the 1960^s, which made it possible to correct the generally accepted periodization of the transformation of socialist rites in the USSR. The analysis of such sources as decrees, rules, instructions, regulations and their projects concerning cemeteries and funerals, as well as the identification in the field of new types of “death architecture” that appeared in the 1950s shows that under the influence of the Great Patriotic War, new approaches were formed not only in the purely utilitarian sphere of funeral services but also in the ritual and ceremonial field. During the war years, the need to develop a solemn funeral service for ordinary citizens as an alternative to the Christian funeral rite was discussed on the sidelines of the authorities. Further, at the end of the 1940s, standard designs of monumental funeral pavilions were already being adopted, their architecture resembling Christian temples and ancient churches and ancient pantheons, in which the ceremony should be conducted based on national and religious traditions, but in a socialist version; and in the early and mid-1950s at least three such pavilions had already been built, including in the city of Volzhsky. But Khrushchev's “thaw” again changes ideological approaches, including in funeral rites, and the need for majestic pantheon Mortuaries disappears, they are replaced by modest funeral sites that are being built all over the country to hold a civil memorial service, but with a different semantic load.

Keywords: funeral business, socialist rites, funeral rites, “Architecture of death”, mortuary, USSR

For citation:

Nazarova T. P., Ivanov V. A. The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940^s–1950^s. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 31, № 1, P. 234–247.
DOI 10.14258/nreur(2026)1–12

Nazarova Tatyana Pavlovna, PhD, associate professor of the Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia). **Contact address:** hist_tatyana@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Ivanov Victor Anatolyevich, senior lecturer of the Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia). **Contact address:** ivanov.viktor-93@yandex.ru; <http://orcid.org/0009-0003-7813-5853>

Введение

Актуальным направлением современных религиоведческих и исторических исследований является изучение советской идентичности и повседневности. Отношение к смерти и ритуалы погребения — это важные атрибуты культурной идентичности любого общества, на которые влияют не только традиции, религия и менталитет людей, но и регулятивная деятельность, а также идеологическая политика со стороны государства. Анализ советской сакральности и смертной (кладбищенской) архитектуры, связанной с нею, — чрезвычайно перспективная и важная для развития современного российского общества тема, способствующая сохранению историко-культурного наследия нашей страны в XXI в., развитию духовных и нравственных ценностей.

С приходом к власти большевиков начался длительный процесс вытеснения религии из жизни общества. Религиозную обрядность должна была заменить «социалистическая гражданская обрядность» без религиозного наполнения. Новые обряды свидетельствовали о зарождении нового общества и нового человека, порвавшего с прежними традициями. Наибольшие затруднения вызвало внедрение светской траурной обрядности, которая затрагивала самые сакральные и мистические аспекты существования человека, точку перехода его после смерти в иной мир. Смысл же «социалистической погребальной обрядности» заключался не в вере в загробную жизнь, а в воздании умершему последнего долга и почестей коллективом, общественностью и родными за его добросовестный труд и деятельность во благо общества [Социалистическая обрядность, 1985: 56]. Гражданский обряд похорон нацелен был на «мир живых» — должен был способствовать сплочению людей в целях строительства коммунизма и укреплять их веру в свое государство и избранный путь развития. Религиозный же обряд захоронения — это глубоко пропитанный верой процесс, в понимании которого смерть — всего лишь переход духовной энергии усопшего в иное состояние. Многовековой ритуал, проверенный предками и закрепленный традициями, облегчал умершему человеку этот переход.

В научных исследованиях, посвященных изучению траурной обрядности и похоронного дела в СССР, выделяют, как правило, период 1920-х гг. (неудачную попытку внедрения в массовую практику «красных похорон») и 1960–1970-е гг. (когда окончательно сформировался гражданский траурный обряд, который сохранился неизменным вплоть до распада СССР и частично перешел в современную Россию) [Жидкова, 2012: 408; Смолкин-Ротрок, 2012: 78; Соколова, 2011: 190]. Советские авторы новые попытки внедрить социалистические обряды в повседневную практику увидели в конце 1950-х гг. Как отмечал П.П. Кампарс, лишь в конце 1950-х гг. «вопрос о внедрении и распространении советской гражданской обрядности <...> опять выдвинулся как один из важнейших вопросов развития культуры и атеистического воспитания» [Кампарс, Занкович, 1967: 26]. А.Л. Тавровский, выдающийся советский архитектор

похоронной отрасли, разработчик типовых проектов траурных зданий в 1960–1980-е гг., также отмечал, что проектирование зданий социалистической обрядности активизируется лишь с 1957 г. (Тавровский, Лимонад, Беньямовский, 1985: 22). Влияние Великой Отечественной войны, по мнению исследователей, в этой сфере сводится исключительно к вопросам санитарной обработки и очистки освобожденных территорий от трупов, перезахоронений, приведению в порядок воинских захоронений и мемориалов, решению чисто утилитарных проблем, связанных с резким ростом смертности в военные годы. Вопросы, связанные с ритуальной стороной похорон обычных граждан, в этот период не изучались — априори считалось, что власти было не до обрядности в годы войны [Соколова, 2022: 208].

Однако в эту общепринятую периодизацию не вписывается такой уникальный образец советской мортальной архитектуры, как Мортуарий в городе Волжском Волгоградской области, внешне напоминающий римский пантеон или православный храм с колоннами, арками и апсидой (рис. 1). В советских документах он называется Павильоном траурных собраний, лишь в 1980-е–1990-е гг. в среде неформальной молодежи и субкультур за ним закрепилось название «Мортуарий» и именно под ним он был внесен в Реестр памятников культурного наследия по Волгоградской области. До недавнего времени о нем вообще ничего не было известно — отсутствие архивных материалов и чертежей не позволяло определить точный год его создания и имя архитектора. Ни в одном из исследований, посвященных траурной советской обрядности, данное здание не упоминается. Даже в фундаментальной работе А.Л. Тавровского Мортуарий не назван, хотя при этом перечислены десятки других траурных сооружений 1960–1970-х гг. значительно меньшего размера [Тавровский, Лимонад, Беньямовский, 1985: 22–29].



Рис. 1. Мортуарий г. Волжского Волгоградской области. Построен в 1955–1958 гг.

Fig. 1. The Mortuary of Volzhsky, Volgograd region. It was built in 1955–1958

Одному из авторов данной статьи, Т.П. Назаровой, впервые удалось выявить архивные документы, доказывающие, что Мортуарий начал строиться в декабре 1955 г. На наш взгляд, строительство подобного траурного здания (не имеющего аналогов в более ранние годы) на провинциальном кладбище явно свидетельствует о формиро-

вании нового подхода к похоронной обрядности, который наметился уже в годы Великой Отечественной войны и коррелировал с эволюцией государственной идеологии в военный и послевоенный периоды.

Целью данного исследования является выявление новых подходов в советской политике в области похоронного дела и траурной обрядности, начиная с 1941 г. и вплоть до конца 1960-х гг. Это позволит скорректировать общепринятую периодизацию трансформации социалистической обрядности в СССР и выделить в ней новый этап внедрения обрядов, начиная с военных лет и вплоть до конца 1950-х гг., на который ранее исследователи не обращали внимания. Сравнение 1950-х и 1960-х гг. в области организации похорон помогает понять разницу в подходах.

Влияние Великой Отечественной войны на трансформацию похоронной отрасли в СССР

Десакрализовать смерть, заменить сухим гражданским ритуалом компенсаторскую функцию религиозного обряда погребения, наполненного глубоким духовным смыслом, до Великой Отечественной войны оказалось не под силу новой власти. В 1917–1930-е гг. на законодательном уровне происходят серьезные изменения в похоронах, отход от конфессионального контроля над погребением и передача этих функций государственным органам, отмена платы, уравнивание, но сама обрядовая часть для рядовых граждан пока никак не регламентировалась. «Красные похороны», проводившиеся в основном для видных партийных и революционных деятелей, проходили стихийно и копировали фактически сложившийся порядок митинга или демонстрации. Кладбищенские церкви массово закрывались, разрушались, использовались под склады и морги. Советские идеологи прекрасно осознавали важность «архитектуры смерти», понимали, что она способна создать необходимую среду, атмосферу, которая в том или ином ключе эмоционально воздействует на человека, помогает ему лучше проникнуться идейной составляющей гражданской панихиды. Но пока внимание уделялось только «архитектуре смерти» видных партийных вождей (ярким примером этому служит Мавзолей В. И. Ленина, напоминающий зиккурат Междуречья; проекты первого крематория). Но на кладбищах вместо снесенных церквей и часовен до 1940-х гг. новых площадок или залов для проведения церемоний погребения не строилось, из зданий предполагались только покойницкие с небольшими залами для прощания и подсобные помещения. В целом к концу 1930-х гг., несмотря на появление городских трестов по похоронному обслуживанию, эта сфера находилась в крайне удручающем состоянии.

Великая Отечественная война вновь актуализировала проблему организации кладбищ и похорон и, с учетом масштаба трагедии, количества гражданских и военных потерь, остро поставила вопросы, связанные с захоронениями, необходимостью перезахоронения останков после освобождения территорий, появлением братских могил. Был разработан ряд инструкций, решавших насущные проблемы в погребениях, связанные с военными действиями: от 25 августа 1941 г. о захоронении граждан, погибших во время воздушных ударов; от 4 апреля 1942 г. о захоронении в городах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. 15 июля 1942 г. выходит Положение по организации похоронного дела в городах РСФСР. Это положение устанавливает

строительство моргов при каждом кладбище (от этой практики начнут отказываться лишь после войны). Издан приказ № 644 Народного комиссара коммунального хозяйства РСФСР и начальника тыла Красной армии (29 декабря 1943 г.) о содержании могил офицеров и бойцов Красной армии и взятии под особый контроль всех военных кладбищ и воинских захоронений [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 5–6].

Согласно приказам СНК РСФСР № 29 от 23 января 1942 и № 419 от 11 апреля 1942 г., похоронное хозяйство городов РСФСР должно было быть подвергнуто обширной ревизии, которая и выявила все накопившиеся проблемы в этой сфере (в первую очередь касающиеся похорон рядовых граждан) и заставила принять новые меры [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4879. Л. 1–5]. Интерес к похоронной сфере в условиях войны был вызван не только резко увеличившейся смертностью, но и общим вниманием власти к решению бытовых проблем населения, «восстановлению нормальной повседневности» для граждан в трудные военные годы. Огромное число смертей в военный период, в том числе в тылу, заставляло улучшать лишь инфраструктуру похоронного дела, ее материальную составляющую, но не переосмыслять ее структуру [Соколова, 2022: 208]. Как отмечают исследователи, в эти годы принимались решения не идеологического характера (вопрос об обрядовой части опять не стоял), а в сугубо утилитарной плоскости — благоустройство кладбищ, охрана, наличие мастерских по изготовлению памятников, качество услуг, комплектация штатов похоронных трестов, борьба с коррупцией и т. д.

С одной стороны, во всех перечисленных выше документах регламентировались исключительно утилитарные вопросы, связанные с захоронениями и содержанием кладбищ. На тресты похоронного обслуживания и похоронные бюро возлагались только функции по перевозке тел, рытью могил, захоронению, изготовлению гробов и похоронных принадлежностей. Никаких функций по организации ритуальной части прощания и организации похоронной процессии не было.

С другой стороны, были сделаны первые важные шаги в сторону регламентации гражданского обряда захоронения. В первую очередь это коснулось воинских захоронений и братских могил, для которых были разработаны типовые надмогильные памятники (сам альбом типовых проектов был опубликован уже в 1947 г.) [Типовые проекты, 1947]. Если просмотреть фотографии кладбищ, сделанные в 1940-е гг., то можно увидеть, что подавляющее большинство могил имеют кресты, лишь на отдельных захоронениях (как правило, воинских) стоят пирамиды, каменные стелы,obelisks со звездами и другими советскими символами. Следует отметить, что ни в одном нормативном документе, регулирующем похороны, за весь советский период не было запрета на установку крестов и других религиозных символов на могилах.

В 1944 г. начальник Главного управления учебными заведениями комитета по делам архитектуры при СНК СССР А. К. Чалдымов прислал на имя И. В. Сталина, А. Н. Поскребышева и других высших лиц письмо, в котором предлагалось ввести «Культ священной Родины». В нем говорилось о необходимости по-новому проводить не только праздничные мероприятия, но и внести изменения в траурные церемонии простых советских граждан. При этом автор письма отмечал, что «религия прекрасно учитывала потребность в душевных переживаниях человека и создавала посредством вели-

чественных обрядов соответствующие настроения и тем самым, кроме того, воспитывала его в нужном направлении». Этот опыт, по мнению автора, можно использовать, в частности, построить новый тип общественных зданий для церемоний — Храм священной Родины — для проведения в торжественной обстановке служб, где может звучать даже колокольный звон [Мертворожденный культ, 1992: 60].

Это письмо свидетельствовало о том, что уже в годы войны в верхах власти поднимались вопросы, связанные с необходимостью разработать гражданскую панихиду для обычных граждан, а не только вождей, и сделать ее торжественной и одухотворенной, опираясь на опыт религиозных организаций и национальные традиции. Это отражало совсем другой подход к социалистическим траурным обрядам, отличающийся от «красных похорон» 1920-х гг., копирующих сценарии митингов и демонстраций с революционными речами. До сих пор не удалось найти никаких документов, подтверждающих, что данные предложения А. К. Чалдымова получили поддержку руководства страны, и все исследователи, затрагивающие этот вопрос, утверждают, что инициатива не была реализована. На наш взгляд, эта идея все-таки имела определенную поддержку в верхах и нашла свое практическое воплощение после войны — Мортуарий в Волжском как раз и отражал ключевую мысль этого письма (торжественное здание для церемонии, внешне похожее на храм с апсидой и колоннами). Тем более что после войны работа по улучшению похоронного обслуживания населения продолжилась не только в рамках решения чисто утилитарных вопросов, но и ритуально-обрядовых аспектов захоронения.

Новая «архитектура смерти» на кладбищах в послевоенные годы как отражение новых подходов к похоронному обряду

В 1946 г. Главное управление проектных организаций Министерства коммунального хозяйства РСФСР разработало «Основные положения по проектированию и строительству кладбищ в городах и поселках с населением от 10 до 100 тыс. чел.». На титульном листе положений стояла отметка, что они согласованы с Советом по делам Русской православной церкви при СНК СССР, с Советом по делам религиозных культов при СНК СССР и с Главной государственной инспекцией НКЗ РСФСР. Это свидетельствовало о том, что положение содержало не только санитарные требования и общие пункты по организации похорон и устройству кладбищ, как и в прежних нормативных актах, но и описывало, в какой-то степени, идеологическую обрядовую сторону похорон. Отмечалось, что каждое кладбище должно было строиться по специальному проекту планировки и благоустройства, который утверждался исполкомом горсовета депутатов трудящихся по представлению местного отдела по делам архитектуры. На волне более либеральной линии государства в отношении верующих, возникшей в годы войны, в данном положении были отражены пункты, касающиеся строительства отдельных кладбищ по конфессиональному признаку (всех христиан на одном кладбище, а лиц нехристианского вероисповедания хоронить на специально отведенном участке, отделенном от гражданского кладбища и от христианского участка, предусматривалась возможность и для отдельного мусульманского или еврейского кладбища). При этом оговаривалось, что не следует предусматривать в проекте специальных помещений для молитвенных собраний на территории кладбища.

В состав кладбищенского участка, помимо собственно кладбища, должны были входить: а) центральный двор для приема процессий, совершения панихид и обрядов прощания; б) хозяйственный двор со службами; в) цветоводство, питомник растений, оранжерея и киоски для продажи цветов и растений; г) мастерская и магазин памятников [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 7–10 об.]. В этом документе впервые уделено внимание особенностям кладбищенской архитектуры (для нее выделен целый раздел), которая должна быть «серьезной и вызывать чувство покоя». На кладбище должны были обязательно быть следующие здания: помещение для приемки гробов или урн, *павильон прощания*, контора кладбища, жилой дом для сторожа с уборной и сараем, теплицы для цветов, сарай. Именно в этом разделе впервые в советских нормативных документах появляется такое кладбищенское здание, как павильон траурных собраний (или павильон прощания) — его рекомендовано проектировать в одном здании с моргом (ледником). Как видим, в данных документах уже перечислены не только сооружения исключительно утилитарного назначения, без которых функционирование кладбища невозможно, но и специальные траурные здания, несущие идеологическую нагрузку [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 10 об.].

В 1947 г. Ленинградским филиалом Госинжгорпроекта был разработан альбом типовых решений кладбищ, сооружений и памятников на них [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 22–22 об.]. В нем впервые были разработаны типовые проекты траурных павильонов, что опровергает данные из работы А.Л. Тавровского о типовом проектировании траурных обрядовых зданий только с 1957 г. Со стороны Главного управления благоустройства МХК РСФСР к данным типовым проектам были серьезные замечания: а) представлено всего семь решений для траурных павильонов — рекомендовано не менее десяти; б) в одном из проектов сохранились кладовые — рекомендовано удалить служебные помещения из павильонов; в) отсутствуют указания о водоснабжении кладбищ; г) недостаточно примеров ограждений кладбищ; д) сохранено дерево как материал для ограждений; е) сохранен раздел «склепы» — их надо убрать из альбома; ж) не разработаны фрагменты к памятникам на воинских могилах; з) мало примеров оформления могил-цветников; и) не учтены типы ценных в архитектурном плане и удачных решений уже существующих памятников; к) нет примеров типовой арматуры к уличному освещению; л) мало примеров типов урн и не учтены уже разработанные проекты урн МКХ.

Замечания были и к словам «места для верующих», «иноверцы», «общегражданское кладбище». В постановлении Совета Министров РСФСР в сентябре 1947 г. «Об улучшении похоронного обслуживания в городах РСФСР» было принято решение издать альбом типовых проектов планировки кладбищ, памятников и кладбищенских сооружений до 1 мая 1948 г. [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 25]. Но найти следы этого альбома так и не удалось.

Как видим, эти архивные документы свидетельствуют о том, что сразу после окончания войны, в 1946–1947 гг., уже на уровне исполнительных структур (министерства коммунального хозяйства и проектных организаций) разрабатываются новые типовые решения обустройства кладбищ, предполагающие постройку специализированных павильонов для прощания, внешне похожих на античные пантеоны и храмы, что само

собой предполагало организацию какой-то прощальной церемонии в торжественной обстановке. Следовательно, решения о внедрении новых гражданских похорон принимались в партийном руководстве ранее, еще в годы войны. Эти данные опровергают устоявшееся мнение о том, что вплоть до хрущевской оттепели серьезного внимания к обрядовой стороне жизни простого гражданина не было, разработки советских обрядов не проводилось, все свелось к обычным регистрационным процедурам актов гражданского состояния.

Мортуарий Волжского как уникальный пример советской мортальной архитектуры

Единственным сохранившимся свидетельством того, что в 1950-е гг. советская власть на практике пыталась внедрить новый похоронный ритуал с опорой на национальные и религиозные традиции, но в социалистическом духе, является мортуарий Волжского (города-спутника Волгограда). Подобных памятников социалистической «архитектуры смерти» практически нигде не сохранилось на территории СССР. Мортуариев успели построить крайне мало (нам удалось найти только три), так как их возводили только с конца 1940-х по 1955–1956 гг. и только на новых городских кладбищах, которые открывались именно в этот период. При этом город, при котором строилось новое кладбище с мортуарием, тоже должен был отвечать требованиям по численности населения.

Помимо волжского павильона траурных собраний, нам удалось найти еще два таких мортуария: 1) на Головинском кладбище в Москве (здание сразу же стало сараем, для ритуалов не использовалось, а в 1990-е гг. было переделано под приход святого царя-мученика Николая II и всех новомучеников и исповедников российских); 2) на Кузьминском кладбище в Москве (тоже использовался как сарай, в 1990-е гг. был снесен). Можно утверждать, что мортуарий в Волжском был самым первым проектом подобного сооружения, построенного согласно «Альбому типовых решений кладбищ, сооружений и памятников на них» Ленинградского филиала Госинжгорпроекта (1947–1948 гг.) в духе сталинской архитектуры, т. е. до утверждения типовых проектов Ленгипрокоммунстроя, появившихся лишь в 1957 г. в стиле уже хрущевской архитектуры, по ним массово строились траурные площадки на советских кладбищах в 1960–1980-е гг., для которых предполагался другой обряд. Мы впервые выявили архивные документы, которые свидетельствуют, что мортуарий начал строиться в декабре 1955 г. (закладка фундамента) и был полностью завершён лишь в 1958 г. [ГАВО. Ф. Р-6497. Оп. 3. Д. 239. Л. 124; Оп. 11. Д. 237. Л. 44].

Интересно то, что проекты траурных павильонов уже принимались и даже строились (правда, единичные), но самого обряда проведения торжественной панихиды внутри этого павильона еще разработано не было. Первые мортуарии, построенные до 1957 г. (в том числе и в Волжском), даже не использовались по назначению первые десять лет. Это объясняется тем, что мортуарии, построенные в период между 1947 г. (когда впервые разрабатываются чертежи павильонов траурных собраний) до 1957 г. (типовые проекты Ленгипрокоммунстроя), были признаны неудавшимися, так как уже не соответствовали новым идеологическим веяниям в эпоху Н. С. Хрущева. Поэтому мортуарий в г. Волжском в начале 1960-х гг. уже начал разрушаться и выглядел забро-

шенным (по воспоминаниям старожилов города), а в Кузьминках и на Головинском кладбище эти сооружения использовались как сараи. Учитывая также то, что после сощещения архитекторов в 1954 г. началась критика стиля сталинской неоклассики в архитектуре, а после выхода указа Совета Министров СССР и постановления ЦК КПСС № 1871 от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» этот стиль и вовсе умирает, то можно утверждать, что проекту Волжского мортуария повезло — его успели утвердить как раз в этот переходный период (октябрь 1955 г.), т. е. до полного отказа от сталинской неоклассики. Но вот завершение строительства пришлось уже на время тотальной критики стиля: мортуарий олицетворял эти излишества в строительстве, которые критиковал Н. С. Хрущев, ведь такому маленькому кладбищу провинциального города масштаб и монументальность проекта явно не соответствовали. Поэтому после завершения строительства он и не понравился начальству, оно понимало, что сверху это не одобрят. Найти акт приемки и сдачи объекта мортуария нам не удалось.

В 1958 г. вышла очередная «Инструкция о порядке захоронения и содержания кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР» (аналогичные инструкции были приняты в других республиках). В ней на кладбищах средних, больших и крупных городов также предусматривались специальные сооружения для проведения обрядов гражданской панихиды — здания с залом, которые по своей архитектуре должны быть центром кладбища. Называлось такое сооружение «зал траурных собраний». Но при этом имелось в виду закрытое помещение, которое имело вестибюль, траурный зал, комнату для родственников, покойницкую, служебную комнату [Инструкция, 1958: 17, 32].

Совет Министров РСФСР Постановлением от 12 июня 1957 г. «О мероприятиях, связанных с упразднением государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры» возложил на Министерство коммунального хозяйства РСФСР руководство делом планировки и застройки городов, а также руководство типовым проектированием по жилищно-гражданскому строительству, контроль за застройкой городов и качеством строительных работ. Как видим, это значительно расширило полномочия коммунальных органов в части проектирования и строительства. Возможно, именно с этим связано то, что в 1957 г. Ленгипрокоммунстрой разработал новые типовые проекты однозальных зданий траурных собраний и гражданских панихид (типовые проекты БГ-10, БГ-30), по которым осуществлено строительство в Свердловске, Туле, Краснодаре, Мурманске, Одессе, Ярославле, Андропове и многих других городах [Тавровский, Лимонад, Беньямовский, 1985: 22]. Но они уже сильно отличались от мортуария в Волжском и соответствовали утилитарному подходу без архитектурных излишеств эпохи Н. С. Хрущева (пример такой траурной площадки см. на рис. 2).

Новые серьезные шаги по внедрению нового обряда похорон были сделаны лишь в постановлении Совета Министров РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». В нем отмечалось, что пока мало проявлялось заботы о внедрении ритуалов гражданских похорон. Большинство кладбищ не имело для этого необходимых условий.



Рис. 2. Траурная площадка 1970-х гг. на кладбище в г. Пушкино Московской области
Fig. 2. The funeral site of the 1970s at the cemetery in Pushchino, Moscow region

В этом постановлении были приняты важные решения о строительстве специальных павильонов на кладбищах: «7. Обязать Советы Министров автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы, горисполкомы, райисполкомы и исполкомы поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся разработать и осуществить мероприятия по приведению в порядок кладбищ и мест захоронения, а также улучшить организацию гражданских похорон. 8. Обязать Министерство коммунального хозяйства РСФСР: а) разработать совместно с Госстроем РСФСР типовые проекты траурных павильонов; б) рассмотреть совместно с Госпланом РСФСР вопрос об изготовлении необходимых предметов похоронного ритуала; в) привести в соответствие с современными требованиями типовые правила содержания кладбищ» [О внедрении в быт..., 1964].

В мае 1964 г. в Москве прошло первое Всесоюзное совещание по социалистической обрядности. После этого на многих кладбищах уже в массовом количестве появились специальные траурные павильоны или открытые площадки для проведения церемоний прощания. Все они строились по типовым проектам, поэтому были похожи друг на друга. Именно после 1964 г. раскритикованный и забытый мортуарий Волжского получил новый толчок к своему развитию, был отремонтирован и приведен в хорошее состояние, стал активно использоваться по своему назначению.

Заключение

Таким образом, именно Великая Отечественная война стала толчком к изменению политики власти в области похоронного дела и траурной обрядности. На основе вышесказанного нами предлагается выделить новый этап в трансформации траурной социалистической обрядности — с 1941 по 1957 г. В военные годы в кулуарах власти

обсуждается необходимость разработки торжественной траурной панихиды для простых граждан как альтернативы христианскому похоронному обряду. В политике в области организации похорон, регулирования устройства и деятельности кладбищ наметились гуманистические и демократические тенденции. Они были направлены, с одной стороны, на создание новой траурной социалистической обрядности, но в синкретическом единстве с традиционными и религиозными ритуалами, а с другой стороны — на превращение кладбищ в часть культурного пространства социалистического города, что отвечало интересам общества. Это новый подход в изучении данной проблематики, так как позволяет отказаться от одностороннего рассмотрения государственно-администрирования похоронного дела в СССР как насильственного акта по насаждению социалистической обрядности в ущерб интересам и пожеланиям людей. Далее в конце 1940-х гг. уже принимаются типовые проекты монументальных траурных павильонов, своей архитектурой напоминающих христианские храмы и античные пантеоны; а в начале и середине 1950-х гг. как минимум три таких павильона уже построено, в том числе в городе Волжском. Но хрущевская «оттепель» вновь меняет идеологические подходы, в том числе в похоронной обрядности, и необходимость в величественных мургуариях-пантеонах отпадает, на смену им приходят скромные траурные площадки, которые строятся по всей стране для проведения гражданской панихиды, но уже с другой смысловой нагрузкой. В 1957 г. Ленгипрокоммунстрой стал разрабатывать первые в стране типовые проекты зданий траурных собраний и гражданских панихид. Поэтому вся последующая траурная архитектура на советских кладбищах строилась уже по типовым проектам (довольно утилитарным, без изысков) и была лишена той монументальности и торжественной красоты, которой обладает Волжский мургуарий, что и сделало его уникальным.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–20304, [https://rscf.ru/project/24–28–20304/](https://rscf.ru/project/24-28-20304/) и при поддержке Комитета экономической политики и развития Волгоградской области.

Acknowledgements and funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–20304, [https://rscf.ru/en/project/24–28–20304](https://rscf.ru/en/project/24-28-20304) and with the support of the Committee on Economic Policy and Development of the Volgograd region.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 3. Д. 239.
Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-6497. Оп. 11. Д. 237.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4879.
Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637.
Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 408–429.
Инструкция о порядке захоронения и содержания кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР: Утв. 28/VII 1958. Киев, 1958. 46 с.

Кампарс П. П., Закович Н. М. Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967. 254 с.

Мертворожденный культ / предсл. и публ. Г. Костырченко // Родина. 1992. № 10. С. 59–60.

О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов: Постановление Совета Министров РСФСР № 203 от 18.02.1964. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588711/> (дата обращения: 23.10.2024).

Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 430–463.

Соколова А. Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–201.

Соколова А. Д. Проблема «правильной советской смерти» и обеспечение гражданских похорон в городах РСФСР в конце 1930-х — начале 1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 195–211.

Социалистическая обрядность: учебно-методическое и справочно-информационное пособие для исполнителей, организаторов обрядности, работников обрядовых служб. Киев, 1985. 343 с.

Тавровский А. Л., Лимонад М. Ю., Беньямовский Д. Н. Здания и сооружения траурной гражданской обрядности. М.: Стройиздат, 1985. 164 с.

Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов советской армии, военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. М.: Военное издательство, 1947. 178 с.

References

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation]. Fund A-314. Inventory 1. File 4879 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation]. Fund A-314. Inventory 2. File 1637 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of the Volgograd region]. Fund R-6497. Inventory 3. File 239 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of the Volgograd region]. Fund R-6497. Inventory 11. File 237 (in Russian).

Instruktsiya o poryadke zakhoroneniya i sodержaniya kladbishh v naseleennykh punktakh Ukrainskoi SSR: Utv. 28/VII 1958. [Instructions on the procedure for burial and maintenance of cemeteries in settlements of the Ukrainian SSR: Approved 28/VII 1958]. Kiev, 1958, 46 p. (in Russian).

Kampars P. P., Zakovich N. M. *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost'* [Soviet civil rituals]. Moscow: Mysl', 1967, 254 p. (in Russian).

Kostyrchenko G. (ed.) *Mertvorozhdennyi kul't* [The stillborn cult]. *Rodina*. [Homeland]. 1992, no. 10, pp. 59–60 (in Russian).

O vnedrenii v byt sovetskikh luudei novykh grazhdanskikh obryadov: Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR № 203 ot 18.02.1964 [On the introduction of new civil rites into the life of Soviet people. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 203 of February 18, 1964]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588711/> (accessed October 23, 2024) (in Russian).

Smolkin-Rotrok V. Problema “obyknovennoi” sovetskoj smerti: material'noe i dukhovnoe v ateisticheskoj kosmologii [The Problem of “Ordinary” Soviet Death: Material and Spiritual in Atheistic Cosmology]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2012, no. 3–4, pp. 430–463 (in Russian).

Sokolova A. D. Pokhoronyi bez pokoinika: transformatsii traditsionnogo pokhoronnogo obryada [Funeral without the dead: transformations of the traditional funeral rite]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2011, no. 15, pp. 187–201 (in Russian).

Sokolova A. D. Problema “pravil'noi sovetskoj smerti” i obespechenie grazhdanskikh pokhoron v gorodakh RSFSR v kontse 1930-kh — nachale 1950-kh gg. [The problem of the “correct Soviet death” and the provision of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s — early 1950s.]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2022, no. 1, pp. 195–211 (in Russian).

Sotsialisticheskaya obryadnost': uchebno-metodicheskoe i spravochno-informatsionnoe posobie dlya ispolnitelei, organizatorov obryadnosti, rabotnikov obryadovykh sluzhb [Socialist ritual: an educational, methodological and reference-information manual for performers, organizers of rituals, employees of ceremonial services]. Kiev, 1985, 343 p. (in Russian).

Tavrovskiy A. L., Limonad M. Yu., Ben'yamovskiy D. N. *Zdaniya i sooruzheniya traurnoi grazhdanskoi obryadnosti* [Buildings and structures of mourning civil rites]. Moscow: Stroizdat, 1985, 164 p. (in Russian).

Tipovye proekty pamyatnikov bratskikh i individual'nykh mogil voinov sovetskoj armii, voenno-morskogo flota i partizan, pogibshikh v boiakh s nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Typical projects of monuments of mass and individual graves of soldiers of the Soviet army, Navy and partisans who died in battles with the Nazi invaders during the Great Patriotic War]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1947, 178 p. (in Russian).

Zhidkova E. Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoi [Soviet civil rites as an alternative to religious rites]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2012, no. 3–4, pp. 408–429 (in Russian).

Статья принята в редакцию: 28.11.2024

Принята к публикации: 30.03.2025

Дата публикации: 31.03.2026